

И.П. Медведев

**НЕОЖИДАННЫЙ БЕНЕШЕВИЧ:
ЗАМЕТКИ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА УЧЕНОГО**

В рамках научного проекта “Архивы русских византистов в Петербурге” (руководитель И.П. Медведев) нами обследованы, наряду с личными архивными фондами других крупнейших представителей отечественного дореволюционного византиноведения и бумаги нашего выдающегося ученого В.Н. Бенешевича (1874–1938)¹. Исключительно богатые по своему содержанию, они чреватые всяческими сюрпризами и даже открытиями. Вот лишь некоторые из них, сообщаемые нами в порядке предварительной информации.

1. К вопросу о зарождении сомнения в подлинности так называемой “Записки греческого топарха”. Выступление американского ученого И. Шевченко на XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва, 1970) и его последующие статьи с обоснованием тезиса о том, что знаменитая “Записка греческого топарха” является фактически не чем иным, как выдумкой ее первого издателя К.Б.Хазе², произвели на наших византистов впечатление грома среди ясного неба, вызвав на первых порах яростное сопротивление, которое, впрочем, очень быстро пошло на убыль, а сейчас, кажется, и вообще утихло³, ибо “крыть, в сущности, нечем”, настолько убедительны приведенные доказательства. Меня лично весьма впечатлило то, что даже в корректурных листах издатель обращался с публикуемым текстом как со своим собственным – даже удивительно, что он не уничтожил столь весомых улик своего фальсификата.

Разумеется, отнюдь не неожиданно американский ученый пришел к своему сенсационному открытию. Из устных бесед с проф. Шевченко мне известно, сколько времени и сил потрачено им в поисках исчезнувшей и, как оказывается, никогда не существовавшей рукописи с текстом “Записки готского топарха”. О том, что это не было явлением, подобным “черту из табакерки”, говорит и тот факт, что у Шевченко был предшественник в лице не кого-нибудь, а самого Бенешевича. Отправляясь в

¹ Точную дату трагической гибели В.Н. Бенешевича установила Е.М. Шварц по материалам следственно-го дела в архиве КГБ. См. также: *Шапов Я.Н.* Из истории советской исторической науки: Профессор В.Н. Бенешевич в репрессивной системе конца 1920-х –1930-х годов // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1990. Т. 2. С. 306–309.

² *Sevchenko I.* The Date and Author of so-called Fragments of Toparcha Gothicus // BIC. 1971. N V. P. 71–95. В наиболее полном виде исследование Шевченко опубликовано в: DOP. 1971. Vol. 25. P. 115–188 + Plates 1–28. Ср. также его предисловие к перепечатке издания 1901 г.: Die Fragmente des Toparcha Gothicus (Anonymus Tauricus) aus dem 10. Jahrhundert von F. Westberg. Leipzig, 1975.

³ Я не беру в расчет тех авторов, которые молчаливо, как ни в чем не бывало (а скорее по незнанию), продолжают использовать “Записку” в качестве исторического источника. См., например: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 112–127.

1927 г. в последнюю в своей жизни и имевшую для него роковые последствия научную командировку по Европе (по приглашению Августа Гейзенберга, но и при энергичном ее «проталкивании» через «инстанции» Ф.И. Успенским)⁴, В.Н. Бенешевич ставил перед собой цель (наряду со многим другим) найти наконец рукопись. В письме к Ф.И. Успенскому из Парижа от 11 августа 1927 г. (по жил по адресу: 6, rue de Verneuil, Paris VII) он, между прочим, пишет: «Пересмотрел (в Парижской Национальной библиотеке. – *И.М.*) все бумаги Насе, чтобы найти указания насчет “Записки греческого топарха”»; мелочи нашлись любопытные, так что можно догадываться о р[укопи]си, но не наверное»⁵. Сохранился и машинописный отчет Бенешевича о командировке, длившейся с 11 июня по 10 сентября 1927 г. и включавшей в себя работу в рукописных собраниях Варшавы, Вильны, Берлина, Лейпцига, Мюнхена, Парижа, Рима⁶. По поводу работы в Парижской Национальной библиотеке Бенешевич пишет: «Группа рукописей, связанных с работами известного эллиниста Газе, работавшего по поручению достопамятного гр. Н.П. Румянцева над изданием истории Льва Диакона, была очень старательно разобрана мною для того, чтобы отыскать следы той рукописи, из которой Газе издал знаменитую “Записку готского топарха”. К сожалению, ничего больше того, что уже известно из печатных сообщений Газе, найти не удалось. Указанным им признакам по содержанию соответствует только рукопись *Palat. graec. 356*, но она на бумаге, а не на пергамене, и в описании...⁷ ничего не говорится про какие-нибудь приписки сверх указанных в описании; равным образом и сам Газе, описывая эту рукопись, не упоминает о “записке готского топарха”»⁸.

Отчитываясь о своей работе в Ватиканской библиотеке, Бенешевич вынужден признать: «для “Записки готского топарха” все методически веденные поиски не дали никакого результата; р[укопи]сь *Palat. graec. 356* видеть не пришлось, так как она оказалась высланной для изучения вне Рима, но, как было уже сказано выше, от нее нельзя ожидать находки»⁹. И хотя в итоговой части отчета Бенешевич констатирует, что ему «еще не удалось найти той рукописи, откуда Газе издал “Записку готского топарха”»¹⁰ (слово “еще” возбуждает мысль о том, что еще не все потеряно), думается, что всякая надежда на возможность находки его покинула, осталось лишь чувство растерянности и недоумения. Бенешевич еще не смог сформулировать идею о подлоге, не смог переступить психологического барьера, чтобы обвинить в бесчестном поступке известного ученого¹¹ (для этого, очевидно, должно было пройти какое-то время или скорее должно было прийти время, менее щепетильное в вопросах чести), но фактически он уже вплотную подошел к вопросу о подлинности (вернее, неподлинности) памятника.

II. Об утратах в греческом фонде ГПБ (ныне Российской Национальной библиотеки). Работая в последние годы жизни в Отделе рукописей ГПБ, В.Н. Бенешевич

⁴ Сохранилось “Поручение” Бенешевичу в его заграничной ко командировке от 28 мая 1927 г., подписанное непререваемым секретарем АН академ. С.Ф. Ольденбургом (по предложению академ. Ф.И. Успенского): Архив РАН (СПб филиал). Ф. 192. Оп. 3. № 109. Л. 8.

⁵ Там же. Ф. 116. Оп. 2. № 29. Л. 23–24.

⁶ Там же. Ф. 192. Оп. 3. № 109. Л. 1–7.

⁷ Оставлено пустое место, очевидно, для обозначения имени Стивенсона, автора каталога рукописей из палатинского фонда Ватиканской библиотеки. См.: *Stevenson H. Codices manuscriptorum palatini graeci Bibliothecae Vaticanae*. Romae, 1885.

⁸ Архив РАН (СПб. филиал). Ф. 192. Оп. 3. № 109. Л. 4–4 об.

⁹ Там же. Л. 5 об.

¹⁰ Там же. Л. 6 об.

¹¹ Среди бумаг Бенешевича, хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 192. Оп. 1, № 46), содержатся чьи-то (не его) копии переписки Куника и Муллаха (оригинал хранится в ф. 95 этого же архива), в которой, между прочим, немало строк посвящено и Газе (Л. 539–539 об.: отмечается, что после выхода в свет Льва Диакона Газе был избран членом-корреспондентом Императорской АН; Л. 545: дается весьма лестная характеристика Газе).

немало сил потратил на подготовку научного каталога греческих рукописей этого богатейшего собрания. Его рукой значительно дополнен так называемый “Красный инвентарь”, составленный А.И. Пападопуло-Керамевсом, Хр. Лопаревым, И.А. Бычковым (Греч. 897), ему принадлежат две объемистые папки с подготовительными описаниями рукописей к каталогу (Греч. 849 и 886), но наиболее завершенным является машинописный экземпляр его “Предисловия к каталогу греческих рукописей ГПБ” (Греч. 893), в котором со всей возможной тщательностью прослежены образование греческого фонда ГПБ и его использование. При этом особое внимание обращено не только на пути и способы приобретений, но и утрат, что нас сейчас больше всего и интересует.

Так, Бенешевич с недоумением констатирует исчезновение (“так, что не удается пока найти их следы”) двух любопытных греческих рукописей: “Шестикнижия” Константина Арменопула, “вытребованного” когда-то Государственной Коллегией Иностранных дел для сличения с новогреческим текстом венецианского издания 1766 г., с которого делался русский перевод памятника¹², и Четвероевангелия, которое, судя по упоминанию в каталоге Маттеи, было писано в XI в. Михаилом Керуларием, патриархом Константинопольским и происходило из Куаленовского фонда Парижской Национальной библиотеки¹³. И если в отношении “Шестикнижия” он высказывает простое предположение, что оно “застряло где-то в министерстве иностранных дел” (с. 14)¹⁴, то о Четвероевангелии его соображения более сложны. Он отмечает, что “среди рукописей Coisl. имя такого заметного по своему историческому значению писца отсутствует, и ни в одном другом месте пока не найдено. Приходится думать, что Маттеи ошибся; может быть, он спутал с рукописью ГИМ Синод. 68, содержащей беседы 45-90 Иоанна Златоуста на евангелие от Матфея и написанное неким Василием Керуларием, а может быть, рукопись была не из Coisl. и пропала” (с. 13). Впрочем, Бенешевич допускает еще одну возможность: “может быть, негодный племянник Дубровского (с коллекцией которого поступили в Публичную библиотеку рукописи Куаленовского фонда. – *И.М.*) утащил и рукопись, переписанную патриархом Керуларием, и еще что-нибудь” (с. 14).

Используя “неизвестную ни одному библиографу” информацию, сообщенную библиографом И.П. Быстровым в письме к библиофилу С.Д. Полторацкому от 18 февраля 1849 г., Бенешевич с возмущением пишет о “наглом расхищении” греческого фонда ГПБ – и особенно известной коллекции польского графа Иосифа-Андрея Залуского (1702–1774), поступившей в ГПБ в 1796 г. (с. 14–17). Оказывается, еще в 1797 г. – небезызвестный польский граф Фаддей Чацкий (1765–1813) и его покровитель, директор Императорской публичной библиотеки, тайный советник граф Шуазель-Гуффе, “производили большие хищения” рукописей из ИПБ, натолкнувшись, однако, в этой деятельности на энергичное противодействие библиотекаря ИПБ Михаила Ивановича Антоновского (1759–1816), назначенного к разбору библиотеки Залуского 10 апреля 1796 г.¹⁵ Рассказ об этой почти детективной истории Бенешевич заключает следующими словами: “Скромный библиотекарь 7-го класса (Антоновский. – *И.М.*) оставил по крайней мере яркий след своей непосильной борьбы с

¹² См.: Примечания к книге Законов Бессарабских, собранной Арменопулом, на с. XI “Перевода Ручной Книги Законов”, изданной в Санкт-Петербурге в 1831 г. (переиздание в 1854 г.). Широко распространенные представления о том, что анонимным переводчиком был Спиридон Дестунис (см., например: *Papastathis Ch.K. Zur Verbreitung der “Hexabiblos” des Harmenopoulos im slawischen Raum // Balkan Studies. 1976. Т. 17 (1). P. 75*), нуждаются в проверке.

¹³ *Matthaei Fr. Chr. Novum Testamentum Graece. Konneburgi, 1807. Vol. 3. Append. 99.*

¹⁴ Пока все наши поиски утраченной рукописи не дали результата.

¹⁵ См. краткое упоминание этой истории в биографической статье об Антоновском в “Русском биографическом словаре” (СПб., 1900. Т. 2. С. 229).

сиятельными иностранными ловцами счастья и чинов, жадной толпой слетавшихся в Россию при Александре I. И было бы по крайней мере в интересах науки утешительно узнать, что похищенные Чацким рукописи сохранились также хорошо в Кременецком лицее (его основателем был Чацкий. – И.М.) и Варшавском университете, как и ускользнувшие еще как-то от его рук остальные рукописи Залусского в ИПБ” (с. 18)¹⁶.

Пафос негодования Бенешевича объясняется, по-видимому, и тем еще, что, описывая эти “дела давно прошедших дней”, он имел в виду безусловно известные ему факты современной действительности, о которых он не имел возможности сообщить открыто. Речь идет, в частности, о давно уже интригующем исследователей (автора этих строк в том числе) факте передачи в 1924 г. Польше (согласно Рижскому мирному договору 1921 г., по которому Польше возвращались памятники культуры, включая рукописи и книги, вывезенные в царское время в Россию) греческих рукописей из Рукописного отдела ГПБ. В рукописном “Красном инвентаре”, хранящемся в Отделе рукописей, отмечены 24 рукописи (сообща номера этих рукописей: 56, 79, 128, 134, 137, 138, 145–147, 150, 151, 154, 157–162, 164, 165, 167, 168, 170, 172) как переданные Польше, о чем свидетельствуют (на каждом номере) штампы с надписью “Возвращено Польской Республике. Уполномоченный Польской делегацией” и подписи красными чернилами лиц, отбиравших рукописи VII-1924, Ks.V.Ussas или W.Suchodolski). Имеются в виду, по-видимому, опять же рукописи, происходящие из коллекции Залусского, судьба которых ныне неизвестна. Е.Э. Гранстрем считала (устное сообщение автору этих строк), что они погибли во время войны. Во всяком случае последний, кто оставил о них сообщение и указание об их местонахождении в Польше, был не кто иной, как В.Н. Бенешевич. В уже цитированном ранее отчете о его заграничном командировке в 1927 г. он пишет: “В Варшаве (а был он в Варшаве с 11 по 23 июня 1927 г. – И.М.) мною были осмотрены отделы рукописей в библиотеках Университетской и Городской Публичной. Но в первой не оказалось иных греческих рукописей, кроме вывезенных из фонда Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде по Рижскому договору, а во второй и вообще греческих рукописей не оказалось никаких”¹⁷. Важнейшее свидетельство, которое, помимо всего прочего, указывает и направление дальнейших поисков¹⁸.

III. О гибели архива А.И. Пападопуло-Керамевса с бумагами Иерусалимского патриархата. В свое время на поиски личного архива А.И. Пападопуло-Керамевса (1855–1912) было потрачено немало усилий и автором этих строк, введенным в заблуждение ложной, как оказалось, информацией Хр. Лопарева о том, что библиотека ученого и “все оставшееся после Афанасия Ивановича” было приобретено Императорской Публичной Библиотекой “благодаря самопожертвованию” вдовы ученого Е. Масленниковой (ей воздается панегирик)¹⁹. Загадку исчезновения архива этого ученого опять проясняет обращение к ранее цитированному “Предисловию к каталогу греческих рукописей ГПБ” В.Н. Бенешевича, которого с А.И. Пападопуло-Керамевсом связывали узы тесной дружбы и сотрудничества и который, разумеется,

¹⁶ Реконструкция коллекции Залусского и ее судьб – насущнейшая задача нашей науки. Данные о ней, сообщаемые Бенешевичем, весьма противоречивы, а в справочнике Марселя Ришара она даже не упоминается. См.: *Richard M. Répertoire des Bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Deuxième édition. P., 1958 + Supplement I (1958-1963). P., 1964.*

¹⁷ Архив РАН (СПб. Филиал). Ф. 192. Оп. 3. № 109. Л. 1 об.

¹⁸ Эти сведения были сообщены мной французскому палеографу Ж.-М. Оливье, который подготавливает новое издание международного путеводителя по рукописным собраниям (*Répertoire des Bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs*). Во время нашей устной беседы он высказал предположение, что рукописи Варшавской Университетской библиотеки не погибли и могут однажды обнаружиться где-нибудь в Германии. Дай-то Бог!

¹⁹ *Лопарев Хр.* Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс // ВВ. 1912/1913. Т. 19. С. 195.

является весьма авторитетным свидетелем. Приведа в своем предисловии информацию Хр. Лопарева, Владимир Николаевич пишет (Греч. 893. Л. 41-42): “На самом деле следует поставить в вину и ИПБ и пишущему эти строки (т.е. самому Бенешевичу. – *И.М.*) то, что богатое научное наследие А.И. Пападопуло-Керамевса погребло в огне: невежественная вдова покойного до начала 20-х годов хранила два больших сундука, где было одних только подлинных документов XVII-XIX веков из архива Иерусалимского патриархата 28 толстых томов, кроме того, масса неизданных описаний рукописей разных библиотек, масса выписанных из рукописей и подготовленных к изданию текстов и переписка самого Пападопуло-Керамевса и других лиц по научным и политическим вопросам и проч., затем, не обратившись ни к кому за советом или помощью, вдова освободилась от обузы, вывалив содержимое сундуков в печку, как об этом рассказало лицо, помогавшее ей в этом деле. Только случайно один из 28 томов сохранился у брата покойного – И.И. Пападопуло-Керамевса”. Об этом факте вандализма Бенешевич упоминает и в своих материалах к планировавшейся им “Истории византиноведения”. Упомянув о Пападопуло-Керамевсе, он пишет, что “деятельность (его) начиналась в библиотеке Иерусалимского патриархата; отсюда он вывез богатейшие материалы и в выписках и в оригинале; но только меньшую часть собранного удалось ему издать; все же остальное в виде двух битком набитых больших сундуков было употреблено наследницей на отопление комнаты! Одной официальной переписки патриархов XVII-XVIII веков погребло 28 больших томов!”²⁰. Несколько непонятно, правда, расхождение в количественной оценке погубленного, которую Бенешевич высказывает в письме к В.Д. Бонч-Бруевичу от 14 мая 1933 г.: “Для истории отношений России к Ближнему Востоку за XVIII-XIX вв. громадный материал хранится в Иерусалимском патриархате. Заведовавший библиотекой и архивом этого патриархата Аф. Ив. Папад.-Керамевс, умерший библиотекарем ИПБ в С.-Петербурге в 1912 г., извлек оттуда неизданных документов на 3-4 толстых тома, но не решался издавать их из-за того, что в них есть много неприятного для прежнего правительства: он берег свои извлечения и приглашал меня к работе над ними, но умер преждевременно, а его вдова сожгла все в 1920 г.”²¹. Так все же 28 томов погребло или 3-4? Разница есть!

Впрочем, Бенешевич прав, не снимая и с себя вины за эту утрату, так как вдова Пападопуло-Керамевса, судя по всему, ставила вопрос о судьбе архива ученого. Так, в бумагах В.Э. Регеля, хранящихся ныне в Российском государственном историческом архиве в Петербурге (Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 154) имеется адресованное ему письмо некоего О. Лагинопуло от 19 апреля (к сожалению, без указания года), которое гласит: “Глубокоуважаемый Василий Эдуардович! Елена Георгиевна Масленникова просит Вас заглянуть к ней, ибо она хочет поговорить с Вами по поводу библиотеки покойного профессора Пап.-Керамевса и еще кое о чем. Дома она бывает почти всегда, но лучше, если Вы ее предупредите письмом (Столярный переул. д. 13, кв. 44). С своей стороны, я хотел с Вами поговорить по поводу предполагаемой Вашей поездки (на Афон? – *И.М.*). Я работаю над составлением каталога библиотеки Пап.-Керамевса. Поэтому Вы меня можете застать там же всегда. Готовый к Вашим услугам О. Лагинопуло”. Так где же хотя бы этот каталог?

IV. Загадка о неизвестной, пожизненно датированной рукописью с сочинениями Максима Исповедника. Как известно, благодаря стараниям наших знаменитых предков мы располагаем здесь, в Санкт-Петербурге, самыми ранними датированными греческими рукописями (так называемые “Порфириевское евангелие” 835 г. и “Порфириев-

²⁰ Архив РАН (СПб. Филиал). Ф. 192. Оп. 1. Д. 46. Л. 96.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.

ская псалтырь” 862 г., хранящиеся в Российской Национальной Библиотеке²²). Но вот уникальное свидетельство, которое может отнять у Петербурга эти лавры!

В бумагах Бешеневича, хранящихся в СПб. Филиале Архива РАН, есть одно дело с описанием греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, включающее в себя рукописный каталог архимандрита Антонина Капустина, списанный каким-то неизвестным греком, продолжение этого каталога рукой Хр. Лопарева и подготовительные материалы (частично машинописные, частично рукописные) к II тому каталога самого Бенешевича²³. Но первые два листа этого дела представляют собою составленный кем-то на греческом языке небольшой перечень рукописей какого-то монастыря Иоанна Предтечи (Καταγραφαὶ τῆρ ἐν τῆ Ἱερα Μονῆ τοῦ Τιμίου Προδρομοῦ Βιβλιοθήκης). Впрочем, из записи, сделанной Хр. Лопаревым на клочке бумаги (д. 3), видно, что он считал автором и этого перечня арх. Антонина: Κατάλογος τῶν οὐλῶ ἐκδοθένων ἐλληνικῶν χειρογράφων τοῦ Συνᾶ ὄρους, ἐν ᾧ καὶ κατάλογος τῶν τοῦ μοναστηρίου Ἰωάννου τοῦ Προδρομοῦ ἀμφότερος συντεθεῖς μὲν παρὰ τοῦ ἀρχιμανδρίτου Ἀντωνίνου, ἐκδοθεῖς καὶ προλόγῳ πλουτισθεῖς παρὰ Χρυσάνθου Λοπαρέβ. “Какой монастырь разумеется здесь, – пишет далее (л. 5) Хр. Лопарев, – неизвестно: обитель ли на Иордане, или обитель в Иерусалиме. Мы сочли небесполезным приложить к изданию опись и этих кодексов. Из них № 46 помечен 624 г. Если это верно, то он написан почти при жизни св. Максима Исповедника (на самом деле, именно при жизни, ведь годы жизни св. Максима ± 580–662. – И.М.) и должен считаться знаменательным кодексом с древнейшей датой (до сих пор древнейшим датированным кодексом считается греческая псалтырь 862 г. в Императорской Публичной Библиотеке)”²⁴.

Действительно, среди перечня разнообразных пергаменных рукописей (Τόμοι τὰ εἰς μεμβράναν) фигурирует (без всякого порядкового номера, номер 46 вычислен Лопаревым от “код. 41”) совершенно четкая и однозначно читающаяся запись: Ὀμιλ. Μαξίμου καὶ Λόγου Βασιλείου Μεγ. ἕναρχοι καὶ ἀτελεῖς εἰς φυλ. τῷ ρρλβ (6132=624)²⁵. Ошибка писца? Это, конечно, первое, что приходит в голову, а если нет? Остается надеяться, что специалистам в этом “виде спорта”, как называл Марсель Ришар погоню за таинственными и якобы исчезнувшими рукописями, удастся разгадать и эту шараду.

²² Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 1: Рукописи IV–IX веков // ВВ. 1959. Т. 16. С. 233–234. № 71, 72

²³ Архив РАН (СПб. Филиал). Ф. 192. Оп. 1. № 26. Л. 35–104. Из знакомства со всеми этими материалами (ср.: Там же. Оп. 3. № 51–54, 112–115, 182) создается впечатление, что Бенешевич так и не завершил работу над II томом каталога. Искать его, очевидно, бесполезно.

²⁴ Лопарев здесь ошибается: как отмечено, первым датированным кодексом считается четвероевангелие Успенского от 835 г.

²⁵ На л. 14 об. Хр. Лопарев воспроизвел эту запись, вместе со всей этой Καταγραφαὶ (л. 13 об. – 17).